

A young man and woman are standing in a grand, ornate library. The man, on the right, is wearing a dark leather jacket with a gold emblem on the sleeve. The woman, on the left, is wearing a dark blue dress with gold embroidery. They are both looking at a glowing blue orb of light that they are holding together. The library is filled with bookshelves, candles, and stained glass windows. The lighting is warm and golden, creating a magical atmosphere.

Полина Верховцева

АКАДЕМИЯ
СЕРДЦЕДОВ
Отбор

Полина Верховцева Академия Сердцеедов. Отбор

<https://litres.ru/73935459>

SelfPub; 2026

Аннотация

Весмор. Академия Сердцеедов

Я думала, ее так называют, потому что там учатся самые красивые и надменные парни страны, но оказывается за этим названием скрывается страшная тайна. И мне предстоит ее разгадать, потому что она как-то связана с исчезновением моего отца.

Но сначала надо пройти строгий отбор и поступить. В этом мне должны помочь два наставника-старшекурсника. Проблема в том, что в их присутствии я думаю о чем угодно, но только не об учебе.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	44
Глава 4	58
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Полина Верховцева

Академия

Сердцеедов. Отбор

Глава 1

С визгом, от которого все уличные кошки бросились врассыпную, темно-серый эр-мобиль пытался затормозить на пересечении Красной и Кожевнической. Вихляя из стороны в сторону, он несся на меня, а я даже не пыталась убежать. Только зажмурилась и прикрывала голову руками, словно это могло защитить от удара.

Сходила за хлебушком, называется...

Надсадный рев клаксона неумолимо приближался. Я уже приготовилась к тому, что будет очень больно, но за долю секунды до столкновения почувствовала, как на моем вороте сжимаются чьи-то жесткие пальцы. Меня откинуло к стене стремительно и с такой силой, что я не удержалась на ногах и бестолково повалилась на тротуар, а эр-мобиль пролетел мимо и, с трудом выровняв ход, исчез за поворотом.

В ушах звенело, во рту расплзался соленый привкус, но, если не считать дикого страха, от которого чуть не разорвалось сердце, я была цела и невредима. Кряхтя и охая, словно

почтенная бабка, я поднялась, отряхнула подол серой юбки и уже собралась поблагодарить своего внезапного спасителя, как раздалось надменное:

— Тебя не учили смотреть по сторонам?

Простые слова прозвучали хлестко. От неожиданности я даже задержала дыхание. Потом обернулась и взглянула на того, кто умел говорить так, что колени начинали трястись.

На вид он был немногим старше меня. Высокий, плечистый, но не громоздкий, как наш кузнец Юджин, а гибкий, словно дикий кот. Правильные черты лица, высокие скулы, мужественный подбородок, недовольно поджатые губы. Одет он был неброско, но дорого. Серая легкая куртка, застегнутая на все пуговицы, черные брюки с такими острыми стрелками, что можно пораниться, идеально начищенная обувь, на которой играли солнечные блики.

На его правой руке блеснул тяжелый перстень с гербом. Значит, из Хайса. Из другого мира, в котором у каждой семьи свой дом, окруженный ухоженными садами, ванная комнаты такие, что можно танцевать, а прислуга день и ночь выполняет любые прихоти хозяев. Что этот баловень судьбы забыл в нашем Муравейнике — непонятно.

Глаза у него темные, почти черные. Я видела в них свое отражение, а еще плохо скрываемую досаду.

— Я просто задумалась...

— Посреди дороги? — небрежно вскинул бровь.

— У нас редко когда увидишь эр-мобили, в основном те-

леги да верховые... — Я попыталась оправдаться, но вышло плохо и неубедительно, поэтому оставила тщетные попытки и просто произнесла: — Спасибо, что спас. Чем я могу отблагодарить?

Он смерил меня оценивающим взглядом и совершенно спокойно ответил:

— Ничем. Ты не в моем вкусе.

Что?! Он меня за кого вообще принял?!

Но разобраться с нахалом я не успела. Он развернулся и, заправив руки в карманы, неспешно пошел прочь. А меня окликнула мачеха, очень некстати выглянувшая из портновской лавки тетушки Бри:

— Евка! Где шляешься? Нам долго еще ждать?!

За ее спиной маячили мои сестры: высокая, тонкая, как жердь, Камилла и чуть менее рослая, зато пышногрудая, Эмми. Глядя на меня, они хихикали и корчили противные морды.

— Я даже не успела перейти на другую сторону улицы.

— Клуша неповоротливая! — Мачеха никогда не стеснялась в выражениях, но в этот раз окатить меня словесной грязью ей не удалось.

— Карла! Ты разве не видела? — возмутилась хозяйка лавки. — Девочку чуть эр-мобиль не сбил! Поганые аристократы накупят игрушек, а потом по городу носятся и людей калечат!

— Эр-мобиль? — хором воскликнули сестры и, ожесто-

ченно отталкивая друг друга локтями, бросились к выходу.

— Он самый. И если бы не тот парень, который появился словно из-под земли, Еву размазало бы по всей улице. Он, кстати, тоже не из наших. Шибко уж осанистый, и порода сразу видна. Не иначе из Хайса к нам пожаловал.

— Где? — сестры метались по улице, отчаянно шаря безумными взглядами по сторонам. — Где они?

Следом за ними из портновской лавки вылетела мачеха и, подскочив ко мне, хорошенько встряхнула:

— Отвечай, куда они отправились?!

— Эр-мобиль умчался туда, — я махнула одной рукой, а потом другой: — а парень ушел туда.

В тот же миг Эмми и Камилла разделились и бросились в разные стороны.

— Бестолочь! Ты должна была задержать их! — сердито причитала мачеха. — И позвать нас!

Я представила, как бросаюсь под колеса мобилу и ору дурным голосом «стой, не уйдешь!», а потом волоком тащу своего спасителя к маменьке и сестричкам. Представляю, как бы вытянулась его холеная физиономия от такого поворота. Смешно.

— Что ты улыбаешься?! — меня еще раз встряхнули. — Раззява! Совсем о сестрах не думаешь!

— Из-за тебя мы упустили возможность познакомиться с кем-то из Хайса, — канючила Эмми, возвратившись с пустыми руками, — может, это была моя судьба!

— Или моя! — обиженно подхватила Камилла, словно я у нее из-под носа жениха увела.

Вспомнив того парня с черными глазами, его надменную усмешку, длинную челку, небрежно падающую на лоб, и обидные слова, которыми он наградил меня напоследок, я не удержалась и ляпнула:

— Даже не мечтайте. Вы не в его вкусе.

Что тут началось...

Меня полоскали всю дорогу до дома. Как только ни называли, какими только наказаниями ни грозили. В итоге мачеха оставила меня без ужина и приказала на ночь глядя драить полы, в то время как они ушли к соседке играть в преферанс.

Я легла поздно и спала плохо. Мне снился Хайс, раскинувшийся на другом берегу реки. Окруженные зеленью дорогие дома спускались по холму к главной набережной, широкие ухоженные проспекты сияли чистотой, а по дорожкам тихих скверов неспешно прогуливались спокойные люди в красивых нарядах. В центре города гордо взмывали к небу золотые шпили главного замка, а на северной окраине загадочно мерцали причудливые и такие желанные своды академии Вэсмор.

Во сне я шла по пустынной улице и раз за разом натыкалась на темноволосого парня. Я все хотела спросить, как его зовут, но не успевала — он исчезал, а из-за угла вылетал эрмобиль, и мне приходилось бежать, чтобы не попасть под колеса.

Было то жарко, то страшно, то больно. Я металась на кровати и, кажется, даже стонала, а утром проснулась от истошного вопля Эммы:

— Мама! Мамочка! У нее появилась новая метка!

Через миг, громко треснув по стене, дверь в комнату распахнулась, и Карла, схватив меня за руку, жадно всматривалась в черный символ, проступивший на запястье.

В этот раз сложное переплетение черных линий сложилось в ажурную бабочку.

— Можно мне? — взмолилась Эмма. — Пожалуйста!

— С чего это тебе? Ты в прошлый раз получила от нее метку. Теперь моя очередь.

— Там ерунда была! Пение какое-то дурацкое!

— Все равно по очереди! — Камилла уступить не собиралась.

— Тихо вы! — цыкнула на них Карла.

Мачеха и сама была не против получить новую отметку. В прошлый раз я «подарила» ей долгую молодость, благодаря которой в свои почти пятьдесят она выглядела не больше чем на тридцать, чем вызывала лютую зависть подруг.

— Сначала надо разобраться, что это за дар, а потом уже решать, кому он больше подойдет.

Мои дорогие родственники делили дар, принадлежавший мне, и не сомневались, что я, как и прежде, его отдам.

А я... Я мечтала поступить в Вэсмор. Мне уже восемнадцать, и с нерастраченной меткой есть шанс попасть на от-

бор. Только вряд ли Карла меня отпустит. Я помню, чем все закончилось в прошлом году. Осенью у меня проступила метка на плече, и я собиралась ее сохранить для поступления, о чем и сказала мачехе. Меня тут же посадили под замок и не выпускали из дома до тех пор, пока я не отдала дар одной из сестер, и строго-настрого запретили даже думать об академии. Я смирилась. Временно. Ждала восемнадцатилетия и надеялась, что метка снова появится.

И вот это случилось. Теперь надо как-то улизнуть от родственников, добраться до Хайса и попасть на отбор в академию.

Во время завтрака мачеха сосредоточенно перерисовывала мою новую метку на желтый листочек, чтобы потом отправиться с ним к нашей местной ведьме Эллоизе и все разузнать. Сестры тем временем скандалили в своей комнате, очень громко выясняя, кому из них нужнее новый дар. Я же всеми силами изображала смирение и отсутствие интереса. Подумаешь метка. Да у меня их уже штук десять было! Тоже мне событие.

Покончив с рисованием, Карла поднялась из-за стола.

— После завтрака отправляйся на рынок. Возьмешь у Марты молока, а у Эрнеста свежих колбасок из печени. И не задерживайся! Одна нога здесь, другая там! А я пока с этим разберусь, — потрясла перед моим лицом сложенным вдвое листочком.

— Хорошо, матушка, — покорно согласилась я и тут же прикусила язык, потому что Карла подозрительно прищурилась. Чтобы погасить ее бдительность, я заискивающе улыбнулась. — А можно мне булок маковых взять? Пожалуйста.

О моей любви к выпечке Карла знала, поэтому взгляд немного смягчился:

— Ладно, возьми. На всех, — проворчала она, отсчитывая несколько дополнительных монет, — семь штук.

Семь штук означало, что им достанется по две, а мне одна. Но сейчас булочки меня интересовали мало. Главное — улизнуть. Словно почувствовав мой настрой, мачеха снова нахмурилась и, чуть поразмыслив, строго добавила:

— Девочки пойдут с тобой.

Проклятье!

— Как скажете, матушка.

Она опять подозрительно прищурилась и долго смотрела на меня, выискивая подвох. Так ничего и не высмотрев, зычно позвала:

— Эмми, Камилла! Хватит спорить. Идите сюда!

Сестры отозвались не сразу. Лишь спустя пару минут они появились в нашей крохотной темной кухне и, сердито переглядываясь, подошли к матери.

— Проводите Еву до базара.

— Я не хочу, — тут же надулась Камилла, — пусть Эмма с ней идет.

Эмма оказалась более догадливой и, наградив меня хму-

рым взглядом, торжественно пообещала:

— Глаз с нее не спущу.

— Умница, дочка.

Тут и Камилла сообразила что к чему и поспешно присо-
единилась:

— Я тоже пойду.

Карла одобрительно улыбнулась дочерям, потом переключилась на меня и погрозила пальцем:

— Смотри у меня! Чтобы никаких глупостей!

Я снова покорно кивнула и пошла собираться.

Через полчаса мы вышли из дома. Впереди я с большой хозяйственной сумкой и бидоном под молоко, а сестры следом за мной налегке, с маленькими кокетливыми сумочками через плечо. При этом их новые туфельки звонко шелкали каблуками по мощеной дорожке, а мои стоптанные сандалии при каждом шаге делали чмок-чмок-чмок-чмок...

Всю дорогу до базара я старалась пониже тянуть рукав, чтобы прикрыть новую метку. Мне казалось, что сглазят, что если она будет у всех на виду, то я ее потеряю, а этого допустить никак нельзя, потому что метка — мой единственный шанс попасть в академию.

Я уже придумала, как отделаться от надоедливых сестер, и поэтому, когда мы добрались до рынка, первым делом отправилась не за молоком, и даже не в мясные ряды за колбасками, а напрямиком в кондитерскую.

Мне бы только капельку удачи, а дальше справлюсь.

В лифе были припрятаны несколько монет, которые удалось утаить от матушки, в сумке позвякивал содержимым холщовый мешочек. Этого должно хватить на переправу до Хайса. Осталось только до нее добраться.

Верхняя половина деревянной двери была распахнута настежь, и пленительные ароматы свежей выпечки обволакивали всю улицу. Возле пекарни, уютно примостившейся на первом этаже кирпичного дома, как всегда, было шумно и оживленно. Люди что-то покупали, продавали и просто общались, обсуждая последние новости и сплетни, а заодно жадно принимались и урчали пустыми животами. Я и сама не против отведать маковую булочку или румяный пирожок со сливами, но не сегодня.

— Боги, какой запах, — Камилла блаженно прикрыла глаза, — так бы все и съела.

— Ты можешь, — ворчливо отозвалась Эмма, — тебе-то она нормальную метку дала. Ешь, сколько хочешь — все равно не поправишься.

И с этими словами пихнула меня локтем, будто это моя вина, что в тот раз была не ее очередь получать «подарочки». Я в этот момент как раз осматривала улицу и прикидывала, как лучше сбежать от навязанных мачехой попутчиц, поэтому охнула и рассеяно потерла ушибленный бок:

— Что?

В ответ Эмма показала мне язык и отвернулась.

— За мной! — скомандовала Камилла и первая ринулась

внутри.

Крохотный светлый зал напоминал картинку из детских сказок: кругом пирожки, рогалики, ватрушки и сладкие пончики, а за прилавком румяная пышненькая, как булочка, всегда улыбающаяся продавщица Василиса.

— Здравствуйте, девочки. Чего желаете?

Камилла была самой настоящей сладкоежкой, поэтому протиснулась вперед и с придыханием прошептала:

— Что-нибудь вкусненькое.

Эмма только завистливо зыркнула в сторону худощавой сестры, впрочем, от рогалика с медом тоже не удержалась.

А я...

Я тихонько попятилась и, пользуясь тем, что они заняты выбором выпечки, вышла на крыльцо. Приветливо улыбнулась знакомой женщине, торгующей целебными снадобьями, помахала рукой конопатому разносчику и, соскочив с крыльца, припустила в другую сторону от пекарни. И уже почти добралась до конца улицы, как за спиной раздался истошный вопль:

— Ева! Стой!

Ага, сейчас. Я подхватила подол и побежала еще быстрее, проворно снуг среди толпы, а Эмма и Камилла, позабыв о булочках, ринулись следом за мной.

— Остановите ее! — визжал кто-то из них.

Но люди только расступались и провожали нас взглядами, полными недоумения.

— Ева! Немедленно вернись! Мы все скажем маме!

С каждым шагом расстояние между нами увеличивалось. На узких неровных дорогах Муравейника мои старые сандалии оказались удобнее каблуков. Я неслась, ловко перескакивая через лужи и кучи мусора, а сестры безбожно отставали и давились руганью.

Вскоре я выбралась из торгового квартала к старым складам. Тут пахло рыбой, протухшими овощами и мокрой шерстью. В узких проулках прямо поверх жирной грязи были кинуты старые доски, которые при каждом шаге прогибались и неприятно хлюпали. Кругом сновали крысы и вечно голодные облезшие кошки.

Я проскочила этот район, задержав дыхание. Потом вывернула на улицу, где ютились неприглядного вида кабаки.

— Красавица, куда спешишь? Иди сюда, старый Ден тебя полюбит...

Я увернулась от забулдыги, дыхнувшего на меня застарелым перегаром, и помчалась дальше, не обращая внимания на его хриплые проклятия.

Впереди уже маячила полупустая пристань. Я выскочила на нее, как пробка из бутылки с забродившим квасом, и чуть не завизжала от отчаяния, потому что единственный паром до Хайса уже был готов к отплытию.

— Подождите меня! Пожалуйста!

— Деньги есть? — грозно спросил возникший, когда я подскочила к краю причала.

— Да! Возьмите! — кинула ему холщовый мешочек, а потом, не обращая внимания на любопытные взгляды пассажиров, толпившихся на платформе, принялась выуживать монеты из потайного кармана лифа. — Вот еще!

Меня потряхивало от волнения, а мужчина спокойно пересчитал наличность и только после этого милостиво протянул мне руку:

— Заскакивайте!

Я ухватилась за натруженную шершавую ладонь и, зажмурившись, чтобы не видеть, как внизу бьются темные зловещие волны, перескочила на борт. Тут же, распугав всех окрестных чаек, раздалось три протяжных гудка, и паром пришел в движение. А когда он уже прилично отошел от берега, на пристань выскочили сестры:

— Стойте! Вернитесь немедленно! Ей туда нельзя! Ева!

Я отвернулась, словно не знала этих двоих, и устремила полный надежды взгляд на противоположный берег угрюмой реки. Туда, где под свинцово-серыми облаками вольготно расположился Хайс. Город-мечта, в который мечтает вырваться каждый житель трущоб Муравейника.

Переправа через реку заняла больше часа, и когда паром еще тащился на середине, небо первый раз озарил резкий росчерк белой молнии, а следом обрушился гулкий, пробирающий до самых костей, раскат грома. Кто-то из пассажиров испуганно всхлипнул, остальные только плотнее прижа-

ли к себе пожитки и сдвинулись ближе к центру, потому что тяжелые волны начали раскачивать старое судно.

Я тоже спряталась. Нашла место между какими-то коробками, забила в него поглубже, а сверху примостила сумку для продуктов, которую мне дала мачеха. Так себе укрытие, но другого не было.

Водитель парома оказался более подготовленным, чем мы, и достал из ящика широкий темно-бордовый дождевик.

А потом ливануло. Не видно было ни-че-го. Кругом непроглядная стена дождя, словно в целом мире никого не осталось, кроме кучки бедолаг на старом проржавевшем корыте. Они жались к друг другу, пытались организовать навес из дырявого брезента и все равно промокли до нитки.

Я тоже была сырая насквозь. Волосы липли к лицу, платье к телу, в сандалиях хлюпало, но эти мелочи меня не волновали. Все еще не верилось, что это происходит наяву. Что я получила новую метку, а с ней и шанс прорваться в академию, сбежала от сестер и теперь одна плыву в Хайс.

Страшно? До жути! Отступить и вернуться обратно, под чуткий контроль мачехи? Да ни за что!

Когда паром приткнулся к пристани на другом берегу, пассажиры уже смирились со своей участью. Никто никуда не торопился, бесполезный брезент валялся в стороне, а капитан сидел верхом на ящике и степенно покуривал трубку, умудряясь прикрывать огонек от воды, хлеставшей с небес.

Выбравшись на берег, я отправилась следом за остальными.

ми к лестнице, которая узкой лентой вела к пропускному пункту. На самой вершине в маленькой кабинке с мутным стеклом нас подждал контролер. У каждого из приехавших он спрашивал имя и цель прибытия в Хайс.

— Ева Найтли, — торопливо произнесла я, когда подошла моя очередь, — приехала поступать в академию Вэсмор.

Услышав это, контролер оторвался от своих бумажек и удивленно посмотрел на меня. Выглядела я жалко — в старом платье, висевшем на мне мокрой бесформенной тряпкой, с волосами, облепившими лицо, и посиневшими от холода губами. Однако взгляд, полный сомнения, выдержала с достоинством.

— Девушка, не задерживаете, — женщина позади меня надсадно пыхтела и тащила за собой тюк с барахлом, — проходите.

Контролер переключился на нее, а я прошла через турникет и оказалась на набережной Хайса. И потерялась... Потому что здесь все было не таким, как в Муравейнике. У нас на улицах всегда надо держать ухо востро, иначе мигом попадешь под колеса телеги или разбитые копыта трудяг-лошадей. Здесь же по дороге двигались неспешные экипажи, а для пешеходов была выделена отдельная зона, обнесенная резным ограждением. На другой стороне за высокими красивыми заборами начинались дома богачей — хорошо отштукатуренные, с высокими чистыми окнами и крышами с красной черепицей. Куда ни глянь — везде просторно и чисто.

Даже кусты вдоль дороги аккуратно подстрижены и напоминали игрушечные фигурки!

Пока я озиралась по сторонам и дивилась тому, как живут на противоположной стороне реки, все мои попутчики прошли контроль и рассосались по своим делам. Только пышная женщина с баулами все еще стояла у обочины и кого-то ждала. Я подошла к ней и робко улыбнулась:

— Простите, не подскажете, как добраться до академии? Я первый раз в городе и не знаю, куда идти.

Она тоже странно посмотрела на меня, будто дивилась, как такая убогая девица смеет заикаться про Вэсмор, но все-таки ответила:

— В ту сторону иди. Доберешься до старой церкви, поднимайся в гору, а дальше у прохожих спрашивай... может, и дойдешь.

Я поблагодарила ее за помощь и отправилась в указанном направлении.

К счастью, дождь начал стихать. В сандалиях по-прежнему задорно хлюпало, дурацкая сумка с бидоном внутри оттягивала плечо, но я была настроена крайне решительно и во что бы то ни стало собиралась добраться до академии.

Я до одури жалела о том, что не купила у Василисы хотя бы засохший пирожок или хлебушка, потому что в Хайсе на ту одинокую монетку, что уныло болталась у меня в лифе, нельзя было купить ровным счетом ничего. Даже в пекарне в стороне от главной улицы обычная булка стоила в три раза

дороже, чем в Муравейнике, про остальное я вообще молчу.

К вечеру, вдоволь поплутав по незнакомому городу, голодная, холодная и бесконечно уставшая я добралась до окраины Хайса. Оставался последний рывок — длинная аллея, по обе стороны которой росли высоченные вязаы. Их кривые ветви сплетались высоко над землей, и от этого аллея стала похожа на нору. А учитывая, что попала я в нее в потемках, — на очень страшную нору. Я бы даже сказала — жуткую.

Делать нечего, пошла дальше. В руках грозное оружие — бидон, которым я была готова отбиваться от демонов и злодеев. Вокруг темнота хоть глаз выколи, только где-то далеко мелькали огни академии, до которой еще надо добраться. Вдобавок дождь никак не успокаивался. Весь день то лил как из ведра, то уныло моросил, но так ни разу полностью и не заглох.

Радовало одно: с каждым шагом я все ближе подходила к исполнению мечты.

К концу аллеи я уже шла, откровенно поматываясь. Сандалику порвала, сумку потеряла, бидон погнула об огромную собаку, выскочившую на меня из кустов. А может, это был волк? Я в темноте не разобралась, просто размахивала своим снарядам и пару раз даже попала, после чего зверюга с обиженным воем скрылась в лесу.

И вот наконец из темноты выступили высокие глухие стены академии Вэсмор.

Почувствовав внезапный прилив сил, я бросилась к кованым воротам, но они оказались заперты.

— Кто-нибудь! Пустите меня! Пожалуйста! — Я ухватилась за тяжелую бронзовую ручку и принялась стучать.

В ответ где-то за стенами сердито залаяла собака. Ей ответила еще одна, но уже с моей стороны. Наверное, та, о которую я погнула бидон.

— Кто-нибудь! Вы слышите меня?

Я продолжала стучать и голосила до тех пор, пока не сорвала голос. Окончательно выдохнувшись, прислонилась лбом к холодной поверхности и просипела:

— Пустите... будьте людьми... Ночь на дворе. Страшно.

В этот момент за воротами послышались шаркающие шаги. Я сначала не поверила, решила, что почудилось, но потом услышала хриплый кашель и ругань:

— Кого опять на ночь глядя принесло?

— Вы слышите меня? Слышите? — Усталости как не бывало.

— Конечно, слышу, орешь как оглашенная.

Раздался звук отодвигаемой задвижки, и в воротине открылось маленькое, перехваченное редкой решеткой окошко. Я тут же подскочила к нему, вцепилась замерзшими пальцами в прутья и, шурясь от теплого света, заглянула внутрь.

Оттуда на меня смотрел носатый дед с такими прекрасными кустистыми бровями, что даже стало завидно.

— Чего надо? — спросил он.

— Я в академию пришла. Учиться хочу.

— Мест нет. До свидания.

— Но у меня есть дар...

— Поздравляю.

— И отбор еще не закончился...

— Приходи в следующем году, — сурово брякнул дед и закрыл окошечко, едва не прихлопнув мне пальцы.

— Эй, — я отпрянула, но потом снова бросилась к воротам и принялась стучать. — Эй!!! Я должна поступить! Позовите начальство!

— Начальство ей подавай... Как бы не так, — проворчали из-за стены, — шляются всякие по ночам, спать мешают.

До краев переполненная досадой, я пнула тяжелые ворота. Было больно.

— Да чтоб тебя!

А еще очень обидно. Столько усилий — и все напрасно? Возвращаться домой? К мачехе и сестрам, готовым перегрызть друг другу глотки за новый «подарочек»?

— Ни за что!

Некрасиво шмыгнув носом, я привалилась к воротам спиной и медленно сползла на землю. Какая разница? Я все равно вся сырая и грязная. И не уйду отсюда, пока не добьюсь разговора с кем-нибудь более отзывчивым, чем бровастый дед.

Решив ждать до победного, я устроилась поудобнее... и заснула.

Проснулась, когда рядом со мной грозно зарычал эр-мобиль. Стоило только приоткрыть глаза, как в лицо ударил яркий белый свет фар.

— Ой, — я прикрылась ладонью и зажмурилась.

Раздался хлопок дверью, уверенные жесткие шаги, и надо мной нависла могучая мужская фигура.

— Ты что здесь делаешь? — пророкотал густой бас.

— Я... я...

Растерялась. Короткостриженный мужчина в темно-синей форме академии выглядел настолько внушительно, что природное красноречие меня покинуло. Я только могла бестолково хлопать глазами и мычать что-то невразумительное.

— Подъем, — он вздернул меня на ноги, как котенка. Я даже ахнуть не успела, как оказалась прижатой огромной ручищей к воротам. Он склонился ко мне и, хищно прищурив светло-зеленые глаза, рассматривал, словно таракашку.

— Отвечай, когда к тебе обращаются.

— Я пришла поступать в Вэсмор.

Нарочито медленно мужчина провел по мне взглядом. От порванной сандалии до сырых волос, прилипших к лицу. И я представила, как выгляжу в своем старом платье, вся мокрая, грязная и растрепанная.

— Проваливай, пока я не вызвал службу безопасности. Нам здесь бродяги не нужны.

Я почувствовала себя никчемной и тут же разозлилась.

— Я не бродяга! — оттолкнула от себя его лапищу. — Я

приехала сегодня из Муравейника, чтобы...

— Уже неинтересно.

Он нажал на кнопку, которую я в потемках не заметила, и ворота пришли в движение.

— Да постойте же вы! — я ухватила его за руку. — Выслушайте меня!

Он остановился, взглядом прожег мои чумазные пальцы, цеплявшиеся за дорогой кашемир формы.

— Простите, — я поспешно отпустила его и отступила на шаг назад, — уделите мне одну минуту, пожалуйста.

Он задрал рукав и демонстративно посмотрел на часы:

— Время пошло.

Сбиваясь и перескакивая со слова на слово, я начала торопливо объяснять.

— Я давно хотела поступить в академию, а мне только весной восемнадцать стукнуло. А тут шанс такой. Вот я из дома и сбежала. На пароме перебралась в Хайс, пешком дошла до академии. Очень хочу поступить. Вот.

Не отрывая взгляда от часов, он монотонно произнес:

— Тридцать секунд.

— Но я все сказала...

— Я так и не услышал, с чего оборванка из Муравейника решила, что достойна поступления в академию.

— Я не оборванка!

— Пятнадцать секунд.

— И у меня есть дар!

— Какой? Умеешь мыть посуду? Подавать кружки в харчевне? Или надеешься, что милое личико поможет найти покровителя? А может, думаешь, что жениха отхватишь? Жаль расстраивать, но парни у нас балованные, на что попало не ведутся.

— Да плевать мне на ваших парней! Я учиться хочу! И дар у меня действительно есть. Я подарочки делать умею.

— Подарочки? — хмыкнул он, отпуская манжет. — Ну что ж, время вышло. До свидания, юная леди. Уверен, вы найдете достойное применение своим... подарочкам где-нибудь в другом месте.

Он попытался уйти, но я уже была на грани отчаяния, поэтому обежала его и привалилась спиной к двери эр-мобиля, не позволяя ее открыть.

— Стойте!

Мужчина тяжело вздохнул. Уперевшись руками в бока, запрокинул голову к небу, подставляя лицо под капли дождя:

— Боги, как я устал, — вздохнул. — Значит, по-хорошему ты понимать не хочешь...

Я всхлипнула:

— Вот, смотрите! Вот! — Я задрала рукав, обнажая ажурную бабочку на запястье. — У меня такие метки появляются. То кружочек, то лепестки переплетённые, то птица, а сейчас вот бабочка. — Я стирала с нее влагу, надеясь, что так этот напыщенный мужлан сможет ее лучше рассмотреть. — Они сами появляются, понимаете? И я могу передавать

их другим, награждая каким-нибудь даром. Матушке молодость продлила, одна сестра поет как птица, вторая может есть ведрами и не толстеть, — перечисляла первое, что пришло в голову, — а эту метку я не отдала никому. Специально себе оставила, чтобы поступить в академию. Из дома потому и сбежала, что ее отобрать хотели...

— Что у тебя появляется? — глухо переспросил он, и во взгляде проскочило что-то волчье.

— Отметины...

Зеленые глаза угрожающе прищурились.

— Ну... вот же... метки, — я подняла руку с бабочкой повыше.

На квадратных скулах заходили желваки.

— Пятнышки? — заискивающе улыбнулась.

Мужчина схватил меня за запястье и, кажется, даже зарычал:

— Это не подарочки! Не метки! И не пятнышки! Это руны! — он тряс моей рукой, и я следом за ней вихлялась из стороны в сторону. — Руны созидания! Бестолочь ты деревенская.

И, не разжимая хватки, потащил меня к воротам, напрочь забыв о своем эр-мобиле.

За воротами нас встретил уже знакомый дед с кустистыми бровями:

— Магистр Мерран, вы зачем нищенку к нам притащили? Я ее только отвадил...

— Здравствуй, Тимен, — кивнул мужчина и потащил меня мимо старика в сторожку, скромно стоявшую по правую руку. — Не беспокоить! — Не очень ласково он затолкнул меня внутрь, захлопнул дверь и произнес: — Рассказывай!

Что рассказывать, я не знала. Вроде снаружи уже все, что могла, поведала, поэтому просто уставилась на него обиженным волчонком. Не так я себе все это представляла. Ох, не так.

— Я жду!

— Я уже сказала все. Вот метка... — словив грозный взгляд, тут же поправилась, — руна. Вот я. Хочу поступить в вашу академию. Все.

— Меня интересует, откуда у жительницы Муравейника взялся дар Созидания.

— Я ж откуда знаю, — пожала плечами, — уродилась такая.

— Кто еще в роду с даром был?

— Никого вроде.

— Не бывает так. Созидание никогда на пустом месте не возникает, только по наследству переходит.

Ответа у меня не было. Я никогда не задавалась вопросом, откуда берутся «подарочки» и почему появляются только у меня.

— В семье еще есть хоть какие-нибудь одаренные?

— Нет. У остальных только то, что я подарила.

— Да-да, я слышал. Молодость, возможность жрать без

остановки и песенки, — сквозь зубы процедил он.

Почему его это так злило, я понять не могла. Меня больше волновал другой вопрос:

— Я могу попытаться поступить в академию?

Он прошел мимо меня, зачем-то выглянул в узкое окно, за которым не было ничего, кроме темноты, и сдержанно произнес:

— Дар есть, значит, можешь попытать силы.

— Спа... спаси-бо.

— Хватит трястись, — сказал, не оборачиваясь.

Обманывать магистра и, возможно, своего будущего преподавателя я не посмела:

— Замерзла я.

— Так переоденься.

— Не во что. Я из дома налегке убежала.

Он все-таки обернулся и взглянул на меня, не скрывая раздражения:

— Кто так делает вообще? А если бы не получилось добраться? Если бы я не задержался в городе и не приехал так поздно, так бы всю ночь и тряслась?

Я виновато опустила голову и шмыгнула носом. Магистр в два шага пересек тесную сторожку и сорвал с крючка какой-то серый то ли халат, то ли балахон и сунул его мне в руки.

— Держи.

Я поблагодарила и ушла переодеваться в крохотный за-

куток в углу. Торопливо стащила с себя сырое тяжелое платье, бросила его на низенький топчан и переделалась в новое. Вернее старое, но хотя бы сухое. Пахло оно табаком, лежалой травой и мазью от ревматизма. А еще оно было настолько большое, что мне пришлось замотаться в него чуть ли не втрое и перехватить на талии растрепанным поясом, от которого тянулись длинные нитки. В итоге стала еще больше похожа на оборванку.

— Если поступишь — будет тебе форма, — словно прочитав мои мысли, произнес магистр Мерран, — обеспечение адептам академии назначается в зависимости от сословия. У тебя будет немного, но все-таки будет, и голодной точно не останешься. — Я никогда не голодала, так что жаловаться тут грех, но новость о содержании очень порадовала. — Тебе повезло, что не придется долго ждать. Первый этап женского отбора начнется завтра днем.

— А есть еще мужской?

— Есть общий. Но поскольку девушек в академии гораздо меньше и они заведомо слабее, то им дается небольшое преимущество в виде помощника со старших курсов и дополнительный этап для набора баллов.

Я приуныла. Мне казалось, что самое сложное — добраться до академии, а потом все будет как по маслу. Покажу метку, пройду испытание — например, сочинение как в школе, — и все, уже адептка Вэсмора. А тут какие-то помощники, дополнительные этапы, общий набор баллов. Справлюсь ли?

Когда я вышла из своего укрытия, неуверенно приглаживая сырые волосы, он требовательно произнес:

— Покажи руну.

Я не посмела ослушаться и протянула руку, на которой красовалась бабочка. Магистр поднял ее ближе к глазам и долго рассматривал. Потом прикоснулся, и от неожиданности я дернулась, потому что место прикосновения опалило горячей волной, а по контуру пробежалось и угасло серебряное свечение.

— Не зрелая еще. Сколько дней?

— Сегодня утром появилась.

— Для такого маленького срока неплохо.

Это была не похвала, а констатация факта, но я все равно довольно зарделась.

— Сколько всего рун уже было?

— С десяток.

— И ты все их раздала? — посмотрел исподлобья и, дождавшись моего кивка, строго произнес: — Крайне неосмотрительно.

— У меня, знаете ли, как-то особо и не спрашивали, хочу я их отдавать или нет.

Обычно мачеха строго говорила: отдай, и на этом обсуждение заканчивалось.

— Отбирание рун карается законом.

— У нас в Муравейнике нет таких законов.

— У вас в Муравейнике и рун не должно быть, — задум-

чиво произнес Мерран, словно общаясь не ко мне, а к самому себе. — Надо бы разобраться.

Пусть с чем хочет разбирается, мне главное поступить, не вылететь в первый же год обучения и... В общем, планов у меня было много.

— Почему вы сказали, что руна не созрела? Они что, как ягоды....

— Сама ты ягода, — проворчал он. — Руны сил набираются со временем. Чем выдержаннее, тем больше дают возможностей. Та, что ты растратила на чью-то молодость, была руной неуязвимости. Та, которая пожрать — руна восстановления. А песни — скорее всего, голос вершителя. Кстати, очень дорогая.

— Их можно продавать?!

Теперь он посмотрел на меня, как на дурочку.

— Ты вообще хоть что-то знаешь о своем даре?

— Матушка каждый раз ходила к ведьме, и та рассказывала, что дает новая отметка. Вот и все мои знания.

— Ведьма, значит, — хмыкнул он, потирая подбородок, — кажется, в Муравейнике пора проводить облаву. Нечисти у вас там всякой много развелось. А по поводу продажи рун... Созидающие всегда нарасхват. Кто-то служит при дворе, кто-то в армии, а есть и те, кто получают лицензию и открывает салоны, в которых выставляют на продажу свои, кхм, подарочки. Аристократы, знаешь ли, готовы платить много денег, чтобы получить ту или иную способность.

Очень много.

Я с трудом сглотнула. Это что же получается, я с этими метками могу свой салон открыть? Денег заработать?

— Ты губу-то сильно не раскатывай. Чтобы получить разрешение на продажу или устроиться на хорошую работу, тебе надо не только академию закончить, но и сдать дополнительные экзамены и получить личное разрешение правительства. Лицензии кому попало не раздают.

Да ради такой возможности я отличницей стану! Буду зубрить днями и ночами! Все силы на это брошу! Мне бы только поступить.

— Вам известно, что значит бабочка?

— Это тебе с магистром рун надо разговаривать, а не со мной.

— А вы...

— А я по физической подготовке и поисковым плетениям.

— Вы тоже будете меня учить?

— Вот поступишь и продержишься до третьего курса, тогда и буду.

В этот момент, глядя в светло-зеленые глаза, я себе пообещала, что продержусь, чего бы мне это ни стоило.

— На ночь можешь остаться здесь, — распорядился магистр, — со сторожем я договорюсь.

— А потом?

— А что будет потом, зависит только от тебя. Справишься

— получишь комнату, форму, содержание согласно установленным правилам. А если нет — счастливого пути обратно в Муравейник.

С этими словами он покинул сторожку, а я осталась одна, беспомощно озираясь по сторонам и не чувствуя ни капли уверенности в завтрашнем дне.

Сразу после магистра на пороге появился дед. Смерил меня недовольным взглядом и проворчал:

— Вот не было печали... Принесла нелегкая на ночь глядя.

Мне было неуютно, но идти все равно некуда, поэтому угрюмо спросила:

— Где можно лечь спать?

Старик еще немного поворчал, но указал на закуток, в котором я переодевалась.

— Туда иди. И смотри платье не испорти. Оно жене моей принадлежит, а она очень не любит, когда ее вещи кто-то трогает.

Я бы не хотела встречаться с его женой. Судя по размерам платья, женщина она внушительная и очень грозная.

Просить еды я постеснялась, поэтому ушла в закуток и, уныло бурча пустым животом, завалилась спать

Глава 2

Утро началось со скандала.

Я еще только разлепляла глаза и спросонья попыталась понять, где нахожусь и почему от меня так несет табаком и почтенной старостью, а с улицы уже доносились гневные крики. И что самое страшное, голоса были слишком знакомыми.

Не думала я, что Карла отправится следом за мной, а Эмма с Камиллой увяжутся следом.

— Где она? — кричала мачеха. — Верните ее мне немедленно!

— Дамочка, — в ответ скрежетал старый Тимен, — не забывайтесь. Вы на территории академии, а не у себя в Муравейнике.

— Мою любимую дочь удерживают здесь незаконно!

— Да! Верните нам нашу любимую сестру! — раздалось откуда-то издалека.

Я натянула повыше хлипкое одеяло, а потом и вовсе спряталась под него с головой. Теперь я, оказывается, любимая дочь и сестра. Повезло.

— Ваша дочь пришла поступать в академию. Сама.

— Глупости! Ее заманили сюда обманом! И если вы прямо сейчас ее не выпустите, я буду жаловаться!

— Жалуйтесь.

— Я вызову стражей правопорядка, и они мигом наведут

здесь порядок!

— Еще раз повторяю, ваша дочь пришла сама.

— Неправда! — взвизгнула Карла. — Ее обманули, запудрили мозги и насильно затащили в этот вертеп!

Дедушка, миленький, не сдавай меня.

— Хотите вы того или нет, но сегодня первый этап отбора.

И ваша дочь в нем участвует.

— Нет! Не участвует! Я запрещаю!

— Она взрослая.

— Ей нет восемнадцати!

Я аж подскочила на своей неудобной лежанке. Да как ей не стыдно?! Врет в глаза пожилому человеку, лишь бы добраться до меня!

— Женщина, — его голос стал особенно скрипучим, — вы видите эти ворота? Сквозь них невозможно пройти, если возраст не подходит.

— Ослиное дерьмо — ваши ворота, — от негодования Карла по привычке сыпала ругательствами.

Мне стало стыдно. Только пришла и уже стала звездой некрасивого спектакля. Я не представляла, как смотреть в глаза людям после такой выходки мачехи.

— Сам магистр Мерран сказал, что она может попробовать свои силы. — Дед не сдавался.

Но мне было неудобно, что он принимает на себя удар, поэтому поднялась с кровати, подошла к покосившейся двери и приникла одним глазом к крошечной щелке, пытаюсь рас-

смотреть, что происходит на улице. К сожалению, они стояли немного в стороне, поэтому я видела только часть спины сторожа в растянутой меховой жилетке и ярко-зеленый подол мачехиногo платья, а сестры так и вовсе не попали в поле зрения.

— Да мало ли что ваш магистр сказал! Мне лучше знать, что она может, а что нет! И вообще, пропустите меня немедленно!

— Нет, — Тимен был непреклонен, — на территории академии запрещено присутствие посторонних. Дальше этого пяточка вы не пройдете.

— Я не посторонняя! — взвилась Карла. — Мне надо немедленно увидеть Еву и увести ее из этого рассадника зла и дурных нравов! Она где-то поблизости, да? Я знаю, что поблизости! Ева! Немедленно выходи! Слышишь меня?! Ева!

Мачеха кричала во весь голос, и от каждого ее слова я содрогалась как от пощечины. Она сейчас привлечет ко мне столько ненужного внимания, что я, еще даже не поступив, стану объектом для сплетен и насмешек! Этого я никак допустить не могла, поэтому навалилась на дверь, и та со скрежетом поддалась.

— Ева! — тут же встрепенулась мачеха. — А ну иди сюда, негодная девчонка!

Тимен глянул на меня из-под кустистых бровей и с досадой крикнул:

— Вот бестолочь. Не сиделось в доме.

Я не торопилась спускаться с крыльца, вместо этого в полнейшем недоумении смотрела на забор. Ночью он был высоченным и кирпичным, а теперь красовался коваными прутьями, замысловатыми завитками и острыми пиками. И ворота тоже были не тяжелыми и сплошными, а изгибались воздушной резной аркой.

— Что встала?! Иди сюда! — Карла поманила меня требовательным жестом.

Я плотнее затянула пояс на своем убогом наряде и, спустившись по скрипучим ступеням, подошла ближе. Мачеха тут же ухватила меня за руку и с нескрываемым торжеством воскликнула:

— Попалась!

— Матушка...

— Все. Молчать! Дома поговорим о твоём неподобающем поведении! — и потащила меня к воротам. — Уму непостижимо! Сбежала! Как только совести хватило, неблагодарная? Совсем о семье не думаешь! Знаешь, что бабочка твоя дает? Жениха хорошего! А у тебя две сестры не пристроенные!

Бедные не пристроенные сестры стояли за воротами и прожигали меня гневными взглядами. В их понимании благодарность — это когда я все им безропотно отдаю и при этом не путаюсь под ногами.

Я уперлась изо всех сил и дернула руку, пытаюсь освободиться из захвата, но не получилось.

— Перечить вздумала? — тут же взревела мачеха. — Я тебе устрою! Хамка! А ну идем!

И снова попробовала меня утащить. Я снова уперлась. На кону будущее мое стояло, и если я сейчас позволю себя увести, то ждет меня незавидная судьба бедной прислужницы, которую без конца шпыняют мачеха и капризные сестры. Да стоит им только за ворота меня вытащить, как с заветной бабочкой придется распрощаться!

— Пусти! Я не пойду! Я хочу учиться!

— Ха! Учиться она захотела. В голове пусто, а туда же! Идем!

— Магистр Мерран, — раздался позади возмущенный голос сторожа, — вы посмотрите, что делается. Будущих адептов силой из Вэсмора утаскивают.

Я еще никогда так не радовалась появлению малознакомого человека.

Опасно блеснув зелеными глазищами, он подошел к нам:

— Что происходит?

До этого решительно настроенная мачеха вздрогнула и кокетливо провела ладонью по волосам без единой седой нити. Потом зарумянилась. Все-таки не каждый день увидишь мужчину в строгой форме и с таким выражением лица, что невольно хочется выпрямиться и встать по стойке смирно.

— Вот, полюбуйтесь! Нахалку домой забираю, — смерила меня грозным взглядом. — Знаете, чего учудила? Из дома сбежала! Стоило только отвернуться, а ее и след простыл.

Я всю ночь по городу металась, искала ее, а она вот куда забралась. Неблагодарная! Такая же, как ее папаша! — Ну все, мачеха оседлала своего любимого конька. Она просто обожала рассказывать незнакомым людям, как я у них появилась. — Он ведь притащил ее в дом, когда мы уже женаты были! Представляете? Принес своего приبلудыша в семью! Наглец!

— Невероятно, — магистр скупно улыбнулся.

— Да. А спустя несколько лет взял и исчез. Наверное, отправился новую любовь искать, а эту, — кивнула на меня, — мне оставил. Запросто в приют могла отдать, так нет ведь, воспитывала, кормила, поила, душу вкладывала, а она мне нож в спину.

В приют она меня не отдала только потому, что к моменту исчезновения отца у меня уже появилась первая руна — как раз та, которая продлевала молодость.

— Очень животрепещущая история, — согласился Мерран и, не глядя на меня, продолжил, — тем не менее Ева пришла поступать в Вэсмор и будет участвовать в сегодняшнем этапе отбора.

— Да какое поступать? — заискивающе рассмеялась Карла. — Она ж глупенькая совсем. С трудом буквы освоила...

От такой клеветы я возмущенно охнула. Я прекрасно читаю в отличие от сестричек, которые считают это наискучнее-нейшим занятием, и считаю, и пишу красиво.

Магистр смерил меня задумчивым взглядом, а я отчаян-

но замотала головой, умоляя его не верить словам матушки. Впрочем, он и так был непреклонен:

— У нее дар, а значит она имеет право попытать свои силы на отборе.

— Да вы посмотрите на нее. Это же замарашка бестолковая. Зачем вам такой позор? И дар у нее... пффф, — пренебрежительно махнула рукой, — сущая нелепица. Картиночки на руках делает.

Мерран опасно прищурился, на резко очерченных скулах заиграли желваки.

Ой зря мачеха руны картиночками назвала. Он еще от пятнышек в моем исполнении не оправился.

— Вы в курсе, что за вымогательство этих... картиночек, — сквозь зубы процедил он, — положен штраф в размере трех сотен золотых за каждую и исправительные работы от полутора лет? Тоже за каждую.

Карла залилась пунцовым румянцем и хлопала губами, не произнося ни звука. Потом перевела на меня лютый взгляд и зашипела:

— Ева! Чего ты им наговорила? Опозорить нас решила? — И тут же с натянутой улыбкой переключилась на Меррана: — Вы же видите. Она не в себе.

Магистр хмыкнул:

— Кстати, я внес ее в реестр Созидающих. Теперь каждая руна, проступившая на ее коже, в тот же миг появится в картотеке и подлежит обязательному досмотру и учету. С

последующим письменным разрешением на использование и передачу.

У матушки задергалась щека.

— Да зачем же... не надо было, — она сморщилась так, будто съела кусок прокисшего сыра, — у нее меток-то практически и не бывает. Зачем бумагу марать из-за таких мелочей? Столько забот на пустом месте.

На самом деле из-за этих мелочей она готова была выкрасть меня из академии, притащить домой и посадить под замок, выпуская только под усиленным присмотром.

— Ну что вы, никаких забот, — Мерран улыбнулся, но глаза остались холодными, — это мой священный долг. Вы же понимаете, как важно сохранить руны в целостности и сохранности и не тратить их впустую.

— Понимаю, — сквозь зубы процедила Карла и наконец отпустила мое запястье.

— А теперь, позвольте, я украду вашу дочь. Ей нужно готовиться к первому этапу.

С этими словами он сунул мне в руки сверток, который до этого времени небрежно держал под мышкой.

— Конечно, — мачеха натянуто улыбнулась.

— Попутного ветра, — и прямой наводкой указал на выход.

Она наградила меня взглядом, полным лютой злобы и, резко развернувшись, бросилась к воротам, за которыми прыгали мои дорогие сестрички.

— Мама! — тут же возмутилась Эмма. — Мы что, оставим ее здесь? У нее же...

— Идемте.

— Но сейчас же моя очередь, — простонала Камилла, — она должна отдать... Я хочу...

— Рот закрой! — рявкнула Карла. — Все потом! Уходим!

Сестры синхронно развернулись в мою сторону и уставились так, будто я их собственноручно обокрала.

— Живо! — через плечо прикрикнула Карла, потом вполголоса добавила: — Растяпы бестолковые, вдвоем за одной усмотреть не смогли.

Девушки сердито переглянулись, взглядами обвиняя друг друга, и поплелись следом за матерью.

— Что за реестр созидающих? — шепотом поинтересовалась я, наблюдая, как мачеха и сестры, сердито накручивая бедрами, уходят прочь.

— Я его только что придумал, — ответил магистр. А потом тоном, от которого по спине прошел озноб, добавил: — С этого дня тебе запрещено выходить за пределы академии без сопровождающих.

— Это если я поступлю...

— Уж постарайся. — После этих слов он обратился к Тимену: — Если эта мадам и ее дочери снова появятся, в ворота не впускать. Ничего от них не передавать. И если потребуют встречи с Евой — ставить в известность меня.

Чего это он так разозлился?

— Да-да, я все понял, — дед кивал и сурово смотрел на меня из-под роскошных седых бровей, — глаз с нее не спущу.

Я съежилась. Только личного надзирателя мне и не хватало.

— Ты еще здесь? — Мерран снова переключился на меня и выглядел недовольным. — Отбор начинается через час.

Глава 3

В свертке оказалась одежда. Темно-зеленое платье с простым кремовым подюбником, нательная рубаша с короткими рукавами и легкие ботиночки. Все ношеное, но чистое и безукоризненно отглаженное.

Я переоделась и, жалея, что в сторожке нет ни одного, даже маломальского зеркала, кое-как переколола волосы.

— Голодная, поди? — спросил Тимен, наблюдая за моими приготовлениями.

— Нет, что вы...

— А живот тогда почему урчит?

Как раз в этот момент раздалась особо заунывная трель, поэтому я смутилась.

— Свалилась на мою голову, — ворча и причитая, он начал открывать один за другим маленькие деревянные ящики. На столе появился хлеб, кружка молока и кусочки мяса весьма неприглядного вида. — Чем богаты, — развел руками.

А я, поблагодарив за щедрость, принялась за трапезу. Старалась жевать размеренно, а не заглатывать еду, как больше ротые ратаны, которые живут в грязном пруду на окраине Муравейника.

— Ты не расслаивайся. Тебе еще до старой башни бежать. Я понятия не имела, где эта старая башня, поэтому по-

спешно затолкала в себя все, что осталось, еще раз поблагодарила хозяина сторожки и выскочила на крыльцо. Правда, тут же заглянула обратно:

— Куда идти-то?

— Ох, бедовая, — проскрипел дед и вышел на крыльцо, — вдоль ограды до конюшен, потом налево. Увидишь два двухэтажных дома — это архив. Между ними тропка узкая. Протиснешься. Попадешь в сад. Через него по диагонали, а там через забор — и на месте. Запомнила?

— Конюшни, налево, протиснуться, сад по диагонали, забор.

Вроде все так. Не желая больше тратить ни минуты, я отправилась в путь.

Ночью Вэсмор показалась мне зловещей машиной, притаившейся в тьме, а теперь, когда светило ласковое солнце, все выглядело иначе. От резных ворот к массивному зданию академии шла широкая мощеная дорога, а по обе стороны от нее раскинулись изумрудные газоны, настолько яркие, что даже захотелось наклониться и проверить, не облиты ли они краской. От главной дороги во все стороны ровными лучами расходились дорожки поменьше. Они были усыпаны красной мраморной крошкой, а по бокам красовались низкими, стриженными под квадрат кустиками.

Я даже задержалась на пару секунд, не в силах отвести взгляд от завораживающей картины. Я хочу здесь учиться! Просто до дрожи!

Для этого надо поступить.

Быстрым шагом я прошла вдоль забора до конюшен. Здесь пахло сеном, лошадьми и разохнувшейся кожей. Очень хотелось посмотреть поближе на красавцев, фыркающих в стойлах, но я проскочила мимо. Миновав конюшни, вывернула к тем самым двум двухэтажным домам, о которых говорил Тимен, и его небрежно оброненное «протиснешься» заиграло совсем другими красками. Потому что это «протиснешься» означало, что надо выдохнуть, втянуть попу и весьма некстати обнаружившуюся грудь, и бочком, рискуя позорно застрять, просочиться сквозь узкую щель.

Далее передо мной раскинулся сад, и он совершенно не походил на те крохотные зеленые пятючки, которые доводилось встречать в Муравейнике. С ровными рядами плодовых деревьев, переходящими в буйство малинника, раскидистыми вишнями, опустившими ветки под тяжестью ягод, и сотнями кустов разноцветных роз он казался поистине бесконечным.

Красиво. Только идти мне надо было по диагонали и до другого конца. Поэтому я бежала сломя голову, а по пути нашла и заросли крапивы, и поле колючего крыжовника, и молодые посадки. Пришлось даже обходить заросший лотосами небольшой пруд.

Потом меня ждал забор. На первый взгляд он казался совершенно неприступным. Я долго бродила вдоль него, пытаюсь найти место, чтобы перелезть, и гадая, а был ли другой

путь до старой башни? Не такой долгий и грязный. В итоге нашла неплотно прибитую доску, сдвинула ее в сторону и проскочила в открывшую дыру. Доску потом аккуратно вернула на место — мало ли пригодится.

Впереди уже маячила старая башня. Совсем невнушительных размеров, с плоской крышей и узкими бойницами, нелепо раскиданными по стенам. Одна-единственная дверь была плотно закрыта и охранялась молчаливым стражником.

На площадке перед башней уже собралась взволнованная толпа. Человек тридцать. И все девушки. Кто-то из них смеялся, кто-то нарочито громко рассуждал о том, как легко поступит в академию, а некоторые ходили из стороны в сторону, не находя себе места от волнения.

Меня встретили подозрительно, протыкая настороженными и оценивающими взглядами, будто каждая из претенденток видела во мне коварную соперницу.

А я... Я малодушно радовалась тому, что Мерран принес мне одежду. Потому что будь на мне те лохмотья, в которых я сбежала из Муравейника, или старый халат жены Тимена, меня бы точно засмеяли.

Не желая привлечь к себе лишнего внимания, я встала в сторонке и с любопытством слушала, о чем говорили остальные.

— Меня уже ждет комната в главном корпусе, — произнесла худенькая, бледная, как поганка, блондиночка, над-

менно глядя на своих собеседниц.

— Так уверена, что поступишь?

— Конечно, — девушка кивнула, — у меня вся семья здесь училась, вплоть до пятого колена, — и, между прочим, все заканчивали с отличием.

С другой стороны собралась группа хохотушек, обсуждающих первый этап:

— Я вам точно говорю, брать надо с изумрудом! Говорят, они самые семейные! У меня старшая сестра взяла изумрудную брошь, а через год вышла за своего наставника.

Кажется, все остальные были в курсе, и только я не понимала, о каких изумрудах речь. Но спрашивать не стала, потому что с первого дня привлекать к себе внимание невежеством не хотелось. Успею еще.

Еще чуть дальше от остальных на траве сидела растерянная девушка с длинной рыжей косой, плела изумительной красоты венки из одуванчиков и ни с кем не спешила разговаривать. И хоть в ней тоже без труда угадывалась жительница Хайса, выглядела она не так заносчиво, как остальные. Может, получится с ней подружиться?

Ровно в десять часов из башни вышел высокий худощавый мужчина в синей форме Вэсмора, с посеребренными сединами висками и выправкой военного. Он остановился на верхней ступени, заложил руки за спину и обвел притихших девушек суровым взглядом.

— Ну что, тунеядки, готовы?

— Почему это тунеядки? — проворчала блондиночка, но тут же осеклась, словив от мужчины убийственно-тяжелый взгляд.

На бледных щеках проступил возмущенный румянец, но пререкаться дальше она не посмела. Остальные тоже выглядели куда более смиренно, чем минуту назад.

— Итак, добро пожаловать на отбор, — раскатисто произнес мужчина. — Тут должна быть восторженная речь о том, какие вы все молодцы и как мы рады вашему появлению в стенах этой академии. Так вот... Мы не рады!

Девушки непонимающе переглядывались, а он, еще раз обведя нас тяжелым взглядом, продолжил:

— Исходя из опыта прошлых лет, половина из вас сойдет с дистанции еще на середине отбора. Другая половина поступит, но вместо того, чтобы учиться, будет крутить хвостом в надежде поймать одного из парней. В итоге — лишние расходы казны, койки и хлопоты, а толку никакого. Но в академию имеют право поступать все одаренные независимо от пола, достатка и сословия. Поэтому добро пожаловать. И помните, что вы здесь, скорее всего, ненадолго.

Какой неприятный тип.

— Меня зовут Райдо Хонер, и я ваш куратор на время отбора. Вы можете обращаться ко мне с любыми вопросами. Помогу, чем смогу, — при этом глянул так, словно говорил: «Только попробуйте обратиться — ноги повыдергиваю и вперед пятками обратно вставлю». — Всем понятно?

Мы вразнобой закивали, за что тут же получили замечание:

— Когда я вам задаю вопрос, отвечать строго и по делу. «Так точно, сэр». Или «Никак нет, сэр». Ясно?

— Так точно, сэр, — раздался нестройный хор голосов.

— Злой какой, — прошептала девушка с рыжей косой. Я и не заметила, как она поднялась с травы и оказалась рядом со мной. — Мы же не солдаты какие-нибудь...

— Тсс, — зашипела я, — услышит.

Однако сэр Райдо перешел к объяснению правил, поэтому не обратил на нее никакого внимания.

— Как вы знаете, для девиц, решивших поступать в Вэсмор, руководство сделало две поблажки. Вспомогательный этап, в котором вы сможете набрать дополнительные очки, необходимые для прохождения минимального порога. И наставник со старших курсов.

При упоминании старшекурсников девушки заметно приободрились, а Хонер размеренно продолжал:

— Сейчас вам предстоит определиться с выбором. И поверьте, в дальнейшем от него будет зависеть очень многое, если не все. Выбирайте не глазами загребущими, а душой.

Я оглянулась по сторонам, силясь понять, где выбрать, а главное — из кого, ведь на площадке перед башней, кроме девушек, никого не было. Похоже, такие правила озадачили только меня, потому что остальные даже не думали удивляться, наоборот — довольно улыбались и кивали.

Не желая отрываться от коллектива, я тоже кивнула, очень надеясь, что в нужный момент все-таки соображу что к чему.

— Это башня Прозрения, — торжественно произнес он, и у меня где-то внутри взволнованно дрогнула струна. — Мы будем запускать вас внутрь по пять человек. У вас будет всего десять минут, чтобы сделать выбор, после чего вы отправитесь на малую арену, где пройдет знакомство с вашими наставниками. Вопросы есть?

— Кто пойдет первым? — тут же подняла руку блондиночка. — Ведь у тех, кого запустят раньше, выбор будет больше. Я надеюсь, очередь будет сформирована в соответствии с сословиями и родовыми заслугами перед академией.

— Очередь формируется исключительно по моему усмотрению, — припечатал он и протянул ладонь помощнику, маячившему за спиной. С подобострастной улыбкой тот вложил в нее свиток, перетянутый красной лентой. — Итак, приступим...

Веревочка была бесцеремонно оборвана, свиток развернут. Райдо пробежался по нему взглядом сверху вниз и назвал первые имена:

— Ксандра Морей, Эльвира Эрхан, Сью Кемми, Белла Вайс и Стелла О'Харди.

Как и следовало ожидать, меня среди счастливиц не оказалось. Настырная блондинка в этот список тоже не попала, зато моя рыженькая соседка проворно выступила вперед. Остальным пришлось с завистью наблюдать, как избран-

ные поднимаются по узким ступеням, боком протискиваются мимо могучего Хонера и исчезают за темной дверью.

— Время пошло, — торжественно объявил помощник.

И в тот же момент над нашими головами, переливаясь всеми цветами радуги, возникли полупрозрачные песчаные часы.

Десять минут показались мучительно долгими. Я боялась лишней раз пошевелиться и пропустить что-то важное, поэтому смиренно стояла на месте и только шею вытягивала в надежде хоть что-то рассмотреть сквозь темные провалы бойниц.

Райдо по-прежнему возвышался на верхней ступени и бесстрастно наблюдал за нами, не проявляя ни малейших признаков нетерпения, а когда первые десять минут истекли, снова развернул список и по одним ему известным критериям отобрал следующих претенденток.

И снова не меня. Блондинке тоже не повезло, и она от возмущения покрылась алыми пятнами.

— Это просто неслыханно!

— У вас есть какие-то возражения? — Хонер слегка вздернул бровь.

— Да... То есть нет... Просто...

— Отвечайте по уставу!

— Никак нет, сэр! — выпалила она и покраснела еще сильнее.

Другие участницы благоразумно молчали. Но напряжение

усилилось. Девушки волновались все больше, и я не была исключением. Вдруг сейчас всех наставников разберут, а мне не хватит?

Поэтому, когда Райдо перешел к объявлению третьей пятерки, я сжала на удачу кулачки, закрыла глаза и молилась:

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— Эллис Ватерли, Марика Сарбуки, Роуз Мак'Эрди, Кайла Браш, Ева Найтли.

Меня аж подбросило от волнения.

Просочившись между тех, кому до сих пор не повезло, я направилась к входу.

— С дороги! — мимо меня решительно проскочила блондинка и первая поднялась по ступеням.

— Десять минут, девочки, — напомнил куратор, — время пошло.

И нас запустили в башню Прозрения.

Внутри оказалось тесно и сумрачно. Сквозь узкие щели бойниц пробивались одинокие солнечные лучи, подсвечивая старую кладку и пыль, неспешно витавшую в воздухе. Пока я осматривалась, мои спутницы наперегонки понеслись вверх по винтовой лестнице.

— Я первая!

— Нет, я!

Их топот уже затих где-то над головой, а я все еще тормозила на первых ступенях. От волнения отчаянно потели ладошки, а еще тряслись ноги. Да так сильно, что я дважды

споткнулась, а в третий раз и вовсе чуть не повалилась навзничь, умудрившись наступить на собственный подол. Руки успела выставить вперед, иначе бы расквасила лицо об истертый сотнями ног гладкий пол. Удержалась, почти грациозно припав на колени, и в такой позе заметила, что на правом ботинке налип внушительный комок не то грязи, не то удобрения из сада. И как в таком виде появиться перед будущим наставником?

— Черт!

Я оглянулась в поисках какой-нибудь палочки или камушка, с помощью которого можно было бы скovyрнуть это недоразумение, но ничего не нашла. Поэтому дальше поднималась, ругаясь и шаркая ногой о ступени.

Наверху оказались несколько проходных комнат, по которым, выпучив глаза, бегали девушки.

— Я не знаю, что выбрать! Не знаю! — в голос причитала одна из них.

Я пока не понимала, что происходит. Зато увидела на полу какую-то щепку, с ее помощью отковыряла добро, налипшее на обувь, и тут же почувствовала себя увереннее.

Ладно, приступим.

Прошла дальше и оказалась в комнате, обставленной старой мебелью. Стол, застеленный пожелтевшей скатертью, массивный местами рассохшийся комод с бронзовыми ручками, тумбочка у окна, полки на стене. И везде разложены какие-то побрякушки: колечки и бусики, прозрачные камни

и кулоны, крохотные стеклянные статуэтки и древние чеканные монеты.

— Что с этим делать? — в полнейшем недоумении спросила у блондинки, которая, в отличие от остальных, вела себя сдержано.

Она переходила с места на место и обстоятельно рассматривала все, что было разложено.

— Издеваешься?

— Нет. Я действительно не понимаю, что делать.

Райдо, наверное, думал, что все в курсе, поэтому забыл рассказать о том, что делать, когда попадешь внутрь башни.

Блондинка смерила меня подозрительным взглядом и, напорвшись на мою полнейшую растерянность, нехотя пояснила:

— Эти вещи оставили старшекурсники. Ты должна выбрать только одну из них и предъявить на выходе.

— То есть я должна выбрать себе наставника по каким-то безделушкам? — удивилась я.

— Не безделушки, а пропитанные магией артефакты, — фыркнула она и прошла мимо, напоследок обронив: — К чему потянуло, то и бери.

В первой комнате мне ничего не приглянулось. Вроде маленькая стеклянная статуэтка котенка понравилась, но не так, чтобы захотелось взять ее в руки. Во второй комнате тоже ничего не зашло, как и в третьей. Больше комнат не было. Я вернулась в первую. Покрутила в руках какое-то кольцо, с

обеих сторон рассмотрела монетку, с которой на меня сердито косил чей-то надменный профиль. Все не то. Нет отклика. Перешла во вторую комнату. Время уже поджимало, и я понимала девочек, которые продолжали бегать вокруг меня и причитать. Но им проще. Они из Хайса, и все у них будет хорошо, а надо мной занесенным топором висит возвращение в Муравейник.

— Пожалуй, я возьму вот это, — сказала блондинка и забрала с полки маленький медальон в виде лепестка клевера.

А я почему-то зацепилась взглядом за колечко, лежащее рядом — серебряное, с темным камнем, из глубины которого пробивались синие всполохи.

— Время! — раздалось откуда-то снизу.

Я больше не колебалась. Взяла кольцо, чувствуя, как приятно оно холодит руку, и решительно пошагала вниз.

Из башни мы выходили через низенькую дверь, притаившуюся в пыльном углу под лестницей. Снаружи нас ждал проверяющий:

— Предъявите артефакт, пожалуйста.

Я разжала ладонь, показывая кольцо. Позади меня причитала румяная пухлая брюнеточка:

— Не успела ведь ничего, — сокрушалась она, — в последнюю секунду схватила то, что под руку попало.

Дальше я ее не слушала, потому что проверяющий сделал пометку у себя в свитке и жестом отправил меня по дорожке, над которой ажурной аркой сплетались лианы с нежно-розо-

выми цветами.

Впереди слышался гомон десятков голосов, и с каждым шагом мое волнение все усиливалось. А когда вышла на площадку, окруженную вздымавшимися в несколько ярусов трибунами, и вовсе стало не по себе, потому что я почувствовала себя маковой булочкой на прилавке.

Свободных мест не было, как и женщин, а вот парней — хоть отбавляй. И все они не только с превеликим интересом нас рассматривали, но и, не особо церемонясь, обсуждали.

— Я бы вон той рыженькой с удовольствием помог... Пару раз, — прозвучало откуда-то справа, и следом взрыв хохота.

О боги...

Куда я попала?

Глава 4

Кажется, нервничала здесь только я. Остальные девушки выходили на арену достойно и даже с каким-то затаенным ликованием во взглядах. В этот момент очень остро ощущалась разница между выросшей в трущобах Муравейника мной и остальными. Мне неоткуда было знать правила отбора. До сегодняшнего дня я и понятия не имела ни про артефакты, ни про арену, на которой буду стоять как лошадь на базарной площади.

На нервной почве аж спина зачесалась. Мне показалось, будто по коже ползут десятки муравьев. Передернуло.

Тяжело выдохнув, я расправила плечи, нашла где-то в закромах улыбку и вытасила ее на поверхность. Что я, в самом-то деле? Такой путь проделала, чтобы поджать хвост и прятаться за чужими спинами? Ну уж нет! Если для поступления надо скакать на сцене на всеобщем обозрении, то буду скакать, причем выше, чем остальные. Мачеха всегда говорила, что я упрямая, как осел, и настырная, как чайка в порту, вот и пусть эти качества помогут мне сейчас.

Ждать пришлось долго. После нашей оставалось еще две группы, каждая из которых тоже имела в своем распоряжении по десять минут. И только когда все участницы вышли на арену, раздался голос куратора:

— Все претендентки на поступление прошли через баш-

ню Прозрения.

На трибунах в тот же миг стало тихо, девушки на арене словно превратились в каменные изваяния, а я так и вовсе замерла на середине вдоха.

— Настало время узнать, кто удостоится чести быть наставником для юных дев.

Слово «чести» прозвучало с издевкой. Райдо не скрывал своего отношения к нам и, кажется, совсем в нас не верил. От этого стало обидно.

И не только мне. Стоящая на два шага левее блондиночка стиснула кулаки и, сверкнув голубыми глазищами, упрямо вскинула подбородок. В ее позе читалась решимость, а я почему-то подумала, что такие не сдаются и прут к своей цели... по чужим трупам.

С трибун донеслось несколько комментариев на грани пошлости, но они смолкли сразу, как только Хонер обернулся:

— Кто-то из адептов хочет что-то сказать? Может, есть желающие толкнуть торжественную речь в честь нового набора? — Желающих не нашлось, и Райдо, убедившись, что все заткнулись, продолжил: — Итак, приступим. Первая претендентка на поступление в академию Вэсмор — Ксандра Морей. Выйдите, пожалуйста, вперед и положите свой артефакт на панель.

Откуда ни возьмись на арену выплыла мерцающая пластина размером с книгу и зависла в метре над землей.

Девушка, которую вызвали, очень волновалась и, пока шла, умудрилась дважды споткнуться, чем вызвала смешки не только на трибунах, но и среди девиц. Покраснев до кончиков волос, она положила крошечный кулон в центр панели и тут же отпрянула, словно боялась, что ее покусаят.

Пару секунд ничего не происходило, а потом над пластиной развернулось изображение светловолосого парня. Под всеобщий хохот он изумленно и как-то бестолково хлопал глазами.

— Ну что же вы растерялись, адепт Блейк? — хмыкнул Райдо. — Выходите и принимайте свою подопечную.

Справа на третьем сверху ряду наметилось какое-то движение. Присмотревшись, я увидела этого самого парня. Он неуклюже пробирался мимо своих приятелей и даже кому-то отвесил леща за очередную плоскую шуточку.

— Знакомьтесь. Олаф Блейк, третий курс. Воздушник.

Ксандра смотрела на своего наставника с откровенным благоговением, а девочка позади меня фыркнула:

— Подумаешь, третий курс. Мелкий еще. Толку никакого не будет.

Тем временем Райдо продолжал называть имена претенденток. Они покорно выходили к панели и клали свои артефакты из башни. Те, кто уже получили наставника, вместе с ним отходили на другую сторону арены, а остальные, затаив дыхание, ждали своей очереди.

Мое имя прозвучало четырнадцатым. Да, я считала, зами-

рая каждый раз, когда Райдо объявлял новую претендентку. И когда очередь дошла до меня, чуть не хлопнулась в обморок

— Ева Найтли.

— Я здесь, — проблеяла, чуть не закашлявшись.

— Проходите, пожалуйста.

Чувствуя, как все на меня смотрят, я доковыляла до панели и положила на нее тяжелое кольцо с синими всполохами в темном камне.

— Кто у нас тут?

Секундная заминка, и в воздухе появилось изображение того, кто будет моим наставником во время поступления.

Волосы темные, непослушными прядями падают на глаза. А глаза с хитрющие, как у черта, и смеются.

— Коул Хеммери. Третий курс. Огневик.

При этих словах изображение подмигнуло и так явно усмехнулось, что у меня дернулись колени.

О боги...

Это самая наглая морда из всех, которые я когда-либо видела.

На верхнем ряду — том самом, где веселились громче всего — под очередной взрыв хохота поднялся мужской силуэт. Нормальный такой, рослый. Не задохлик какой-нибудь и не толстый. Спортивный и пружинистый.

Ему явно было весело, а вот мне не до смеха. Я еще раз посмотрела на ухмылявшееся изображение и смутилась, осо-

бенно когда услышала позади голос с томным придыханием:

— Ух ты, какой интересный. Везет же некоторым.

Я своего везения совершенно не ощущала. Наоборот, наблюдала, как парень, небрежно заправив руки в карманы, спускался по лестнице, и с каждым его шагом все больше уверялась, что обрела в его лице очень большие проблемы.

Наконец, он остановился рядом со мной. Высокий. Первым делом я уткнулась взглядом в матовые пуговицы камзола на груди, потом медленно подняла выше. Скользнула по рыжей нашивке огневигов, по уверенному развороту плеч, и переключилась на лицо. Глаза у него оказались под цвет формы — темно-синие, с яркими крапинками, такими же, как в камне того перстня, который я вынесла из башни.

— Привет, мелочь, — сказал он и самоуверенно улыбнулся.

Улыбка у него была такая... такая... В общем, не знаю какая, но при ее появлении за моей спиной кто-то снова восторженно хрюкнул.

Он это понял и улыбнулся еще шире, а я сразу вспомнила ловеласа Яшку из Муравейника. Он половину девок в нашем районе перетискал и даже ко мне не раз подкатывал, хоть и получал от ворот поворот. Мы из-за него даже с Камиллой разругались. Она по нему тайно сохла, исписывая целые страницы в своем дневничке его именем и сердечками, и никак не могла понять, почему он пристаёт ко мне, а не к ней.

И вот передо мной стоит похожий экземпляр, абсолютно

уверенный в своей неотразимости. Какой из него наставник?

— Привет, — беспомощно оглянулась на распорядителя, но он был занят объявлением следующей претендентки, и мои проблемы его не волновали.

Коул тем временем нагло подцепил меня под руку и буквально отволок в ту сторону, где уже стояли пары претендентка-наставник.

— Пусти меня, — прошипела я сквозь зубы, но под пристальными взглядами толпы обиваться не стала. Только пообещала: — Или я тебя покусую.

— Злюка? — спросил таким тоном, будто ничего забавнее в его жизни не происходило. — Это радует.

Чему он радовался, я не поняла, но при первой же возможности высвободила руку из его захвата и потеряла место, где до этого были его пальцы. Хватка у него была жесткая, да и вообще он производил впечатление человека, уверенного в своих силах.

Я украдкой глянула на его профиль. Породистый парень. Зря я его с Яшкой сравнила, тот даже рядом не стоял.

— Можешь любоваться не так открыто? — не оборачиваясь, поинтересовался наглец.

И я покраснела, как отборная свекла.

— Я не люблюсь. Я оцениваю масштабы катастрофы.

Темные брови насмешливо дрогнули. Коул все-таки посмотрел на меня. В этот раз с интересом:

— Ты откуда такая бойкая к нам пришла?

— Адепт Хеммери, я уверен, у вас будет предостаточно времени узнать всю подноготную вашей подопечной, — произнес Райдо, снова привлекая к нам лишнее внимание.

— Так точно, сэр, — бодро отозвался Коул, вытягиваясь по струнке, только в уголках губ по-прежнему играла едва заметная улыбка.

Нахал. Но симпатичный.

Осознав, чем заняты мои мысли, я нервно кашлянула и на всякий случай отступила от него на шаг назад. И еще на один, чтобы уж наверняка.

Я сюда пришла учиться. До всего остального мне нет дела.

Очередь претенденток постепенно редела. Кому-то достались в наставники адепты с четвертого курса, парочка с пятого, но по большей части были третьекурсники. Когда поток страждущих иссяк, Хонер скрутил свиток трубочкой и развел руки:

— На этом подготовительный этап объявляется завершённым. Каждой из девушек, изъявивших желание поступить в академию, достался свой наставник...

В этот момент панель, все так же висящая в центре арены, возмущенно мигнула красным, чем вызвала недоумение не только у Райдо, но и у остальных преподавателей, присутствующих на отборе.

Все затихли.

— Не понимаю, — хмуро произнес куратор.

Панель снова моргнула, в этот раз еще ярче.

— Кто-то пронес два артефакта, — раздался строгий женский голос с одной из боковых трибун.

Проследовав за чужими взглядами, я увидела женщину с темными, забранными в строгий пучок волосами. Все пуговицы ее синего преподавательского платья были тщательно застегнуты, а выражение лица не предвещало ничего хорошего.

— Мы бы обнаружили это еще на выходе из башни, — возразил Райдо, но все-таки направился к нетерпеливо подрагивавшей пластине. — Сейчас посмотрю.

Я встала на цыпочки и даже шею вытянула, чтобы лучше рассмотреть, что он делает. Мужчина небрежно вычертил в воздухе какой-то знак, тотчас налившийся золотым свечением, и опустил его на мерцающую панель.

Все затаили дыхание.

— Хм, действительно, один артефакт остался неучтенным, — удивленно произнёс Райдо.

— Кто пронес?

— Сейчас узнаем.

Он сделал очередной пас, напивая силой свой знак, приложил обе ладони, и в тот же момент перед нами появилось новое изображение.

Моё.

Над ареной сгустилась такая сочная тишина, что даже залихватский стук собственного сердца казался непрости-тельно громким. Сначала все смотрели на изображение, по-

том дружно, как по команде, переключились на меня. И теперь сотни, если не тысячи, взглядов, полных любопытства и недоумения, кололи острыми шипами.

— И кто это у нас? — протянул Райдо, отступая на шаг, чтобы лучше рассмотреть мерцающий образ. — Так-так-так, претендентка, в последний момент заявившая о своем желании попробовать силы на отборе. Ева Найтли.

— Ну ты и... — прошипел Коул, дернув головой.

Было видно, что он напрягся, но уверена, его напряг не шел ни в какое сравнение с той раскаленной волной, которая захлестнула меня по самые уши. Я не знала подробностей, но понимала, что каким-то образом умудрилась нарушить одно из важнейших правил и последствия будут более чем серьезными.

— Ну что же вы прячетесь, милочка? Идите сюда. Покажитесь, так сказать, во всей красе, — голос распорядителя звучал мягко, но о каждого слово пробивало насквозь.

Все. Допрыгалась. Хана моему поступлению. И мечтам о достойном будущем. И всему остальному.

— Иду, — промычала, неуверенно переставляя ноги.

Они отказывались слушаться и при каждом шаге позорно подгибались. Кажется, от страха я даже стала меньше ростом. Под прицелом всеобщего внимания я снова подошла к предательской пластине и, втянув голову в плечи, остановилась. Было страшно, а еще стыдно. Пожалуй, стыда было даже больше.

— Какой еще артефакт вы вынесли из башни Прозрения?
— вкрадчиво, будто мы соучастники какого-то преступления, спросил Райдо. — Нам всем очень интересно. Как? А главное — зачем?

— Вам не кажется, что вопросы излишни? — подала голос та самая женщина с суровым пучком на голове. — Правилами запрещено брать более одного артефакта. Тот, кто посмел это сделать, автоматически исключается из числа претендентов на поступление.

— Госпожа Нора, при всем уважении, — куратор почтиительно склонил голову, — мы должны разобраться в том, что случилось, прежде чем наказывать провинившегося.

Я пошатнулась и невольно ухватилась за локоть Хонера, но тут же отпустила:

— Простите, — прозвучало совсем жалко, — но я... не нарушала... и не знала... Я взяла только кольцо. И больше ничего.

— Вот это мы сейчас и проверим, мисс Найтли. Прошу, выложите на панель содержимое ваших карманов. Не пытайтесь утаить. Вы уже попались на нарушении, и если добровольно не предъявите артефакт, мы будем вынуждены обыскать вас. Уверяю, шансов что-то скрыть просто не существует.

— У меня ничего нет, — полезла в левый карман платья и достала оттуда кусочек мяса.

Он оказался жутко жестким и невкусным, но я не хотела

обижать сторожа, так любезно угостившего меня завтраком, поэтому тайком сунула в карман, а выбросить забыла.

— Вот.

— На панель кладите, пожалуйста. — Райдо отодвинул от себя мою ладонь с убогим куском.

Я аккуратно выложила его в центр пластины. И ничего не произошло. Кусок мяса оказался куском мяса.

— Продолжайте.

Из кармана на поясе я достала носовой платочек, который был в комплекте с платьем. Его тоже положила на проверку, и тоже ничего не произошло. А потом сунулась в правый карман и нащупала там что-то непонятное. Вытащила руку и, разжав потный кулак, обнаружила ту самую щепку из башни Забвения.

— Быстрее, мисс Найтли. Очень много людей ждет завершения этого представления.

Я положила огрызок на панель следом за куском мяса и платком, надеясь, что и в этот раз ничего не произойдет. Но, увы, раздался уже знакомый гул, и над нашими головами развернулось очередное изображение.

Еще один темноволосый парень. Только постарше, чем Коул, и посерьезнее. Но самое дурное, что спустя пару мгновений я узнала в нем того самого типа, который выдернул меня из-под колес эр-мобиля в Муравейнике. И, судя по его лицу, он был не рад новой встрече. Совсем. Ни капли.

— О, неуловимый адепт Лекс Верано с пятого курса, —

ухмыльнулся Райдо, — неплохой выбор... был бы. Если бы не нарушение.

— Я не знала, что это артефакт!

— А что еще, кроме артефактов, может находиться в комнатах башни Забвения?

— Он был не в комнате! — взмолилась я, складывая ладони домиком. — А на верхней площадке возле лестницы!

Изображение стало мрачнее тучи. И без того темные глаза стали совсем черными.

— Как интересно... Не в комнате, значит. — Хонер недобро ухмыльнулся и, заложив руки за спину, подступил ближе, рассматривая новый артефакт. — И что такое?

— Простая щепка, — произнесла я и, видя недоумение, поспешно пояснила. — Я к башне бежала через сад и наступила там на что-то. Заметила, только когда оказалась на лестнице, и решила, что надо чем-нибудь отковырять...

Парень на изображении закрыл глаза, сжал пальцами переносицу и сморщился так, будто пытался убедить себя, что убийство — это плохо, гадко и недостойно адепта академии Вэсмор.

— Продолжайте, — подбодрил Райдо.

— Ну, я... — обвела взглядом толпу, ловившую каждое мое слово, — отковыряла это добро щепкой.

Ладно хоть оно оказалось сухое и не вонючее, а то вообще бы стыдоба была.

— Артефактом, вы хотели сказать?

— Я не знала, что это артефакт. Просто подобрала ее с пола, использовала и зачем-то сунула в карман. От волнения даже не заметила. Простите, что так вышло. Я и подумать не могла, что это что-то важное.

В конце рассказа парень на изображении уже открыл глаза и так недобро на меня смотрел, что даже в бок закололо.

— Похоже, у нас целых два нарушения? — Хонер расплылся в совершенно недружелюбной улыбке. — Так, адепт Верано? Что вы там притаились? Выходите к нам. Мы будем очень рады лицезреть вашу персону рядом с нашей скромной компанией.

При этих словах в третьем ряду поднялась напряженная фигура. Я даже дышать перестала, наблюдая, как парень спускается по ступеням и подходит ближе. Он лишь вскользь прошелся по мне сумрачным взглядом, а у меня все дрогнуло внутри и понеслось вскачь.

— Напомните мне, пожалуйста, где адепты, которым оказали честь помочь новобранцам, — слово «честь» было выделено интонацией, — должны размещать свои артефакты?

— В комнатах, сэр, — твёрдо произнес темноволосый, заложив руки за спину.

У него была жесткая выправка, уверенные движения, в которых безошибочно угадывалась хорошо контролируемая сила.

В мою сторону он больше не смотрел, но я чувствовала, как калило уши и щеки. Кажется, кто-то темноглазый само-

забвенно крыл меня хорошими и добрыми словами, желал счастья, здоровья и всяческих благ.

— Где его оставили вы?

Секундная заминка, потом так же твердо, но со скрипучими нотами:

— Перед дверями.

— Зачем вы это сделали?

Теперь прорезалась сталь:

— Не хотел, чтобы меня кто-то выбрал.

— Чем вам не нравятся наши прекрасные претендентки?

И умны, и красивы, и наверняка какими-нибудь талантами обладают. Вот вы, мисс Найтли, какими талантами обладаете?

— Эээ... ммм...

Я судорожно пыталась вспомнить, есть ли у меня хоть какие-нибудь таланты. Вроде подружки говорили, что неплохо получалось косички плести, но кажется, это не то, что нужно Райдо. Про подарочки говорить не стала — помнится, у магистра Меррана глаз задергался после моих слов, а у резкого Хонера и вовсе припадок случится.

— Блестяще, мисс Найтли, — он лениво, с издевкой, хлопал в ладоши. — Уверен, вы всех сразили наповал.

От хлестких слов вредного куратора я покраснела до кончиков волос.

Тем временем Верано невозмутимо ответил:

— На выпускном курсе есть более важные дела, чем ра-

ботать нянькой.

— Заносчивость вам не к лицу, адепт, — ухмыльнулся Хонер.

— Простите, сэр. Это больше не повторится.

Раскаяния ноль. Взгляд прямой. Эмоции под контролем. Я бы хотела хоть капельку его спокойствия и уверенности. Мне жуть как страшно, что сейчас выгонят и придется возвращаться в Муравейник, где матушка и сестры раздерут меня на миллион маленьких подарочков.

— И что же нам теперь делать? Два нарушения, причем второе является прямым следствием первого. Кого будем наказывать?

— Мое мнение вы знаете, — снова подала голос госпожа Нора, — два артефакта из башни Забвения выносить запрещено. Исключений быть не может.

Она посмотрела на меня очень строго, без тени понимания или сочувствия, напомнив учительницу в старой школе. Та была подругой моей мачехи и тоже смотрела на меня не иначе как поджав губы и относилась строже, чем к остальным, хотя я всегда была прилежной ученицей.

— Я думаю, что все-таки может, — донеслось с другой стороны.

Только тут я заметила среди присутствующих магистра Меррана. Он сидел с самого края и, кажется, появился не с самого начала мероприятия.

— Я уверен, что если бы щепка, — выразительный взгляд

на Лекса, — оказалась там, где ей и положено было быть — в комнате среди остальных артефактов, то мисс Найтли не посмела бы к ней даже прикоснуться. То, что адепт Верано оставил свой предмет в неполюженном месте, да еще и вид выбрал самый непримечательный, сбило с пути юную неопытную претендентку. Учитывая эти обстоятельства, мне кажется, Ева заслуживает снисхождения.

Я очень хотела снисхождения, просто до дрожи в руках, но боялась лишний раз даже моргнуть.

— Несправедливо наказывать людей за чужие проступки и лишать шанса на исправление. Вы так не считаете, госпожа Нора?

Их взгляды схлестнулись, и мне на миг даже почудилось, что вокруг стало жарко и полетели искры.

— Что скажет куратор? — она обратилась к тактично помалкивавшему Райдо.

— Простите, — он поклонился, — но мне кажется, что магистр Мерран прав. Девочка виновата только наполовину. Пусть попробует силы на отборе, но поскольку нарушение все-таки было, я не допускаю ее к дополнительному этапу для набора очков. Ей придется участвовать на общих условиях.

Нора нехотя кивнула.

— А что с молодым человеком, по вине которого произошел этот инцидент?

— О, здесь как раз все просто, — ухмыльнулся Хонер.

— Адепт Верано так рьяно старался улизнуть от обязанностей наставника, что я считаю своим священным долгом привлечь его к этой работе.

— Двух наставников быть не может, — сурово напомнила Нора.

— У меня есть отличный выход из этой ситуации, — вмешался Мерран. — Коул был первым, поэтому ему и быть наставником. А Верано, который так старался остаться в тени, получит специальное поручение, как раз достойное адепта выпускного курса. Он будет сопровождать мисс Найтли за пределами академии. Всегда.

Лекс все-таки посмотрел на меня, и этим взглядом аж к земле придавил.

— Пусть так и будет, — произнес Райдо, — я как куратор даю добро на такое распределение.

Вот так я, еще даже не успев поступить в академию, обзавелась двумя очень большими и сердитыми проблемами.

Глава 5

На этом распределение закончилось. Все артефакты были проверены, все девочки обзавелись наставниками, а некоторые, особо везучие, даже двумя.

— Вы посмотрите наглая какая! — возмущались сплетницы, одаривая меня негодующими взглядами. — Откуда только такая взялась?!

Откуда-откуда... Из Муравейника.

— Во время испытаний все претендентки будут жить в малом корпусе в малом крыле, — сказал Райдо, — посещение основных корпусов и остальной территории академии запрещено. У вас будет пара часов на обустройство, а потом займетесь подготовкой к испытаниям. Первый этап начнется завтра в десять утра в красном зале. Не опаздывайте. Задержка на пятнадцать минут гарантирует отлучение от этапа и будет стоить вам возможности получить дополнительные баллы. Наставники могут проводить подопечных.

Все парами двинулись к выходу, а я не знала, что делать, потому что два моих темноволосых злыдня не спешили вести меня в малое крыло малого корпуса в малую комнату на самую маленькую койку в академии. Вместо этого они кипели и разве что кипятком в стороны не брызгали. Причем Коул явно злился на Лекса, а тот на меня. Прекрасная компания.

— Может, пойдём? — предложила я, переводя взгляд то на одного, то на другого. В ответ тишина. Их больше интересовали суровые мужские переглядки, чем несуразная подопечная, от которой в первый же день начались проблемы. Я попыталась ещё раз привлечь их внимание: — Почти все ушли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.